

КРОКОДИЛ

№ 4 • февраль • 1982

ISSN 0130-2671

Проекты, рассчитанные на южные районы страны, зачастую бездумно используются при строительстве в северных районах.

— Украшаете?
— Нет, утепляем.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

Крокодил не всегда шутит. Иные фельетоны пишутся с болью в сердце.

Вот и фельетон «Эта дружелюбная принципиальность» (№ 30, 1981 г.) под рубрикой «О хлебе — с солью» написан отнюдь не для того, чтобы вызвать у читателя гомерический смех. Речь идет о том, что строители сдали Гутянский элеватор (в Харьковской области) с крупными недоделками, а комиссия приняла его в эксплуатацию. В результате значительную часть заложенного в закрома хлеба пришлось отправить на промпереработку.

Читатель к этой публикации не остался равнодушным. «Подобные факты недопустимы»,— пишет нам житель г. Владимира Н. В. Родионов. Ему вторит читатель из г. Куйбышева В. А. Мартышов: «До глубины души возмущен действиями тех, кому сам служебный долг повелевает беречь народное добро». А горьковчанин К. Н. Шитов добавляет: «Душа болит, когда одни люди собирают колоски, а другие тоннами портят хлеб». Прислали гневные письма киевлянин П. И. Ганзий, свердловчанин Н. Ф. Донских, А. А. Белкин из Махачкалы, рабочий В. П. Чуркин из г. Краснотурьинска, москвичка В. Ф. Лапшова и многие, многие другие.

В письме бывшего работника прокуратуры Г. Г. Качановича из Челябинска есть такие проницательные строки: «Если я правильно понял, то к плану строительного подразделения Минсельстроя Украины была сделана приписка — ведь элеватор сдан практически недостроенным. Возможно, кое-кто даже получил премию...» А читатель из Шушенского (Красноярский край) Н. К. Потанин требует строгого наказания виновных лиц «за злоупотребление доверием».

Читатели единодушны: такое прощать нельзя. Собственно, это мнение разделяют и два министра, которые прислали свои ответы на фельетон.

Министр сельского строительства УССР Ю. Б. Котов сообщает редакции «Крокодила»:

«Статья «Эта дружелюбная принципиальность» обсуждена на заседании коллегии министерства, содержащаяся в ней критика признана правильной.

Приказом Минсельстроя УССР, одобренным коллегией, за нарушение установленного порядка ввода в эксплуатацию элеватора и несвоевременное устранение имевшихся недоделок управляющему трестом «Укрэлеватормельстрой» т. Соболеву В. Ф. и управляющему трестом «Укрэлеватормельмонтаж» т. Железнякову В. Д. объявлены выговоры.

Учтено, что приказом по тресту «Укрэлеватормельмонтаж» начальник СПМК-547 т. Пихотин Н. К. от занимаемой должности отстранен.

Принято также к сведению, что за нарушение порядка сдачи объектов в эксплуатацию решением Комитета народного контроля УССР заместителю управляющего трестом «Укрэлеватормельмонтаж» т. Вербе А. Я. и главному инженеру треста «Укрэлеватормельстрой» т. Понзини Ю. В. объявлены строгие выговоры, а на управляющего трестом «Укрэлеватормельстрой» т. Соболева и главного инженера т. Понзини наложены также партийные взыскания.

Руководителям подведомственных организаций министерства предложено на расширенных производственных совещаниях довести до подчиненных приказ по критическому выступлению журнала «Крокодил» и в дальнейшем обеспечить неукоснительное соблюдение порядка предъявления и сдачи объектов в эксплуатацию».

А вот письмо министра заготовок УССР И. И. Шматольяна:

«Министерство заготовок УССР сообщает, что статья «Эта дружелюбная принципиальность» обсуждена на коллегии, критические замечания, изложенные в статье, признаны правильными...

За принятие в эксплуатацию элеватора с недоделками, необеспечение своевременного проведения оздоровительных мероприятий, что привело к самосогреванию и ухудшению качества зерна, начальнику Харьковского облуправления хлебопродуктов т. Пенигину Г. И. объявлен выговор. В текущем году укреплено руководство предприятия: назначены новый директор, начальник производственно-технологической лаборатории и начальник элеватора...

Сейчас элеватор находится в работоспособном состоянии и обеспечивает все операции, предусмотренные технологической схемой. За хранением зерна ведется контроль со стороны производственно-технологической лаборатории предприятия и Государственной хлебной инспекции.

Министерство заготовок УССР взяло под особый контроль работу Гутянского элеватора и оказывает помощь в обеспечении надлежащей эксплуатации оборудования и полной сохранности хлеба».

ПО ТОМУ ЖЕ ПОВОДУ

Итак, фельетон обсудили, недоделки, по словам заготовителей, устранили. Порок, как говорится, наказан, справедливость торжествует. Все вроде бы хорошо и правильно. Отчего же не идет из головы фраза, оброненная одним из многочисленных авторов откликов: «Частенько бывает, что люди, которые наносят значительный ущерб государству, отделываются легким ушибом — выговором или на худой конец переводом на другую работу»!

В самом деле, председатель той государственной приемочной комиссии, которая приняла недоделанный элеватор, Г. И. Пенигин получил выговор.

Но, может, выговора здесь достаточно? Или, может, председатель госкомиссии, как и вся комиссия (а она была весьма представительной), не очень уж виноват? Это строители их подкузьмили. Они, эти строители, насулили златые горы, клялись и божились, что завтра же придут и исправят все до одной недоделки. Ну, а председатель, добрая душа, им, конечно, поверил. А они его, конечно, подвели. Он, естественно, хотел как лучше, а теперь вот приходится расплачиваться выговором. Не считая фельетона, который тоже не подарок ко дню рождения.

Однако давайте спросим: какие непреодолимые причины были у комиссии принимать недостроенный объект, да еще с оценкой «хорошо»? Кто толкнул госкомиссию на этот пагубный шаг? Кто на нее давил?

Об этом, к сожалению, ни слова в ответах двух министров. И в справке, которую составила уже другая комиссия — после опубликования фельетона.

Дело в том, что едва фельетон был напечатан, как на станцию Гуты отправилась еще более представительная комиссия, в которую вошли заместитель начальника Главэлеваторпрома Минзага СССР Н. П. Колосов и другие товарищи. И среди них были представители тех самых строительных трестов, которые так плохо построили элеватор, и даже Г. И. Пенигин, который этот элеватор принимал.

Эта вторая комиссия, разумеется, не нашла никакого криминала. «При сдаче элеватора,— сообщается в справке,— в актах государственной комиссии отмечены недоделки, не влияющие на нормальную эксплуатацию элеватора». Вот так номер!

После столь широковещательного заявления новая комиссия все же признала, что:

а) поверхностные воды попадали в приемное устройство;

б) вода на элеватор периодически не подавалась;

в) подъездные пути железной дорогой приняты не были;

г) установка контроля температуры полностью не закончена.

И, наконец, как результат:

д) несколько тысяч тонн зерна подверглось самосогреванию.

Но это все между прочим, попутно. А главная идея справки — выгородить приемочную комиссию. И заодно строителей. Ничего, мол, такого экстраординарного не произошло. Так, мелкие грешки, «не влияющие на нормальную эксплуатацию». К чему, спрашивается, бить в набат? Зачем поднимать шум, если все выеденного яйца не стоит?

Но вот перед нами еще один документ. Он называется «Информационный бюллетень» и издается Комитетом народного контроля УССР. В № 3 этого бюллетеня (за август 1981 года) излагается постановление комитета под выразительным заголовком: «За приписки и очковтирательство — к ответственности». И там очень подробно рассказывается отнюдь не о мелких грешках в системе Министерства сельского строительства Украины. Да-да, там говорится и об искажениях отчетности, что создавало видимость благополучия, и о вполне материальных благах, которые извлекали некоторые должностные лица из вроде бы нематериальной видимости. И что интересно — называются те самые тресты «Укрэлеватормельстрой» и «Укрэлеватормельмонтаж», которые сооружали Гутянский элеватор. И даже сам Гутянский элеватор назван в этом документе (среди прочих объектов).

Не явствует ли из всего этого, что наш читатель Г. Г. Качанович полностью прав: приписки и очковтирательство имеют самое непосредственное касательство к актам таких вот «добреньких» приемочных комиссий? Комиссии по доброте душевной подмахивали акты, алчущие премий строители наперегонки бросались к кассе, а недоделки постепенно трансформировались в невосполнимый урон для государства.

Но ведь «доброта» эта, если говорить начистоту, хуже воровства. И не правильнее ли будет со стороны упомянутых выше ведомств выяснить, чем она диктовалась?

Римма КАЗАКОВА

ДВЕ ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХОЖАЛОБЫ ПО ПОВОДУ ЭМАНСИПАЦИИ

1

От печки до порога —
на мне и жизнь и дом...
А женщине так много
не просто жить трудом!

В душе моей тревога.
Внушает мне она,
что женщина так много
трудиться не должна.

Ворочаю по-свойски
и в поле и в цехах...
Кастрюльки да авоськи
не воспоют в стихах.

Как в беге дней сверхплотных
Мой малый труд велик!
В строках и на полотнах —
другой какой-то лик.

Ну кто ж промолвит строго,
что женственность — весна,
что женщина так много
трудиться не должна?!

Так запретить посмей же
нам это, сильный пол!
Трать сил чуть-чуть поменьше
на пиво и футбол.

Нет в этом униженья —
есть доброты пример:
хотя бы от снабженья
освободи Венер.

Мужи, мужчины, братья,
услышьте горький всхлип!
На что себя мы тратим?
А на любовь могли б!

Побойтесь, что ли, бога!
Пусть в чем-то и грешна,
но женщина так много
трудиться не должна.

Когда ж на ваши плечи
свой переложим труд,
настанет праздник вечный,
пустыни зацветут!

Лаская и милуя,
любовью будем жить,
топить вас в поцелуях,
в объятиях душить.

И станет, очевидно,
нам в жизни в первый раз
немножечко обидно,
коль кто-нибудь из вас,

едва живой от наших
неутолимых чувств,
почти рыдая, скажет —
за это поручусь!

Что, пусть иных дороже,
не так суров и крут,
но труд любовный — все же
он тоже, тоже труд,

и дней любви дорога
еще, как жизнь, длинна,
и женщина так много
трудиться не должна...

2

Сказала мне Анна: «Твой жребий таков...
Ну где они, близкие души?
Ты за уши тянешь своих мужиков,
но рвутся их чертовы уши!..»

Ах, умница Анна! Учитель она.
И хоть соглашаться с ней тяжко,
наверное, я ей и вправду видна
отчетливо, как первоклашка.

И снится мне ночью тревожною сон,
какой-то нелепый и дикий:
один человек... Разумеется, он...
В ушах его — рваные дырки!

Следы самой в мире бескровной войны,
подобной великому чуду...
И я просыпаюсь от чувства вины
и каюсь, что больше не буду!

ИРОНИЧЕСКОЕ ПИСЬМО

Сам пью, сам гуляю...

Прогрессивное это дело — самообслуживание. С одной стороны, оно экономит время, с другой — приносит удовлетворение: мол, все ты умеешь, все можешь сам. И пора уже переходить от самообслуживания в столовых или универсамах в другие неохваченные сферы. Ну, хотя бы на железнодорожном транспорте. Тем более что некоторый опыт уже накопился. Например, у пассажиров вагона № 9 поезда № 109 Караганда — Москва, среди которых находился и автор этих строк.

Дело в том, что проводник, после того как отобрал у пассажиров билеты, напрочь исчез из вагона. Уже на следующей станции двери вагона никто не открыл и некоторым пассажирам пришлось выходить и входить через другие вагоны. Оставаться в поезде дальнего следования без проводников было как-то несподручно, и пассажиры решили действовать сами. Один из нас разыскал постельное белье и раздал его. Другой включил кипятильную установку, третий заварил и разлил по стаканам чай, четвертый взялся разносить его по купе... Словом, сами пили (чай, только чай), сами гуляли.

Конечно, в этой не до конца отлаженной системе самообслуживания были сбои. Так, никто не догадался растопить котел отопления, и ночью мы немного замерзали. Но утром все согрелись с помощью веника и совка: передавая их из купе в купе, убрали вагон. Лично мне кажется, что он еще никогда не был таким чистым...

Еще в одном ответственном мероприятии мы тоже перешли на полное самообслуживание: будили пассажиров, которым нужно было выходить, помогали им собираться и благополучно высаживали на перрон. И, представьте, все шло спокойно, размеренно, никто не ругался, не ворчал...

Но вот наконец спустя двое суток появился неведомо где обретавшийся проводник и, видимо, соскучившись по работе, принялся действовать. За пять часов до прибытия поезда в Москву он запер туалеты на ключ. Пришлось и тут проявить находчивость и пользоваться туалетами других вагонов...

Как видите, самообслуживание в поездах дальнего следования вполне возможно. И почему бы в таком случае зарплату проводника не раздавать пассажирам? Ну, разумеется, с согласия Министерства путей сообщения...

Ф. ЛИТВИН,
г. Измаил.

Хвала бумажке

То там, то сям читаю хулу по поводу всяких канцелярских бумаг: дескать, бюрократизм это, формализм и прочее... А я вот предлагаю воздать бумаге хвалу. К этому выводу я пришел в аэропорту Адлер, добираясь до солнечного Сочи.

Дело было так. Я прилетел в Адлер и направился на остановку скоростного автобуса, отправляющегося в Сочи. В 12 часов началась посадка. Я предъявил удостоверение инвалида Отечественной войны контролеру, чтобы забронировать местечко. Она косо глянула на меня и кивнула головой в сторону касс, дескать, сначала возьмите билет.

Все правильно. Бросив вещи у автобуса, я пошел к кассе № 1. Пропустив несколько женщин, я опять предъявил удостоверение. Однако билет мне не дали, а посоветовали обратиться в кассу № 3. Поплелся туда, но касса, увы, была закрыта. Вернулся к автобусу, рассказал контролеру о своих передвижениях, кстати, для меня очень сложных.

Контролер подумала-подумала и сказала:

— Раз так, идите в кассу № 4.

В этой кассе, изучив мое удостоверение, девушка оторвала кусочек бумажки и начертила на нем: «12.15».

Возвращаюсь к автобусу, контролер с водителем рассмотрели бумажку и ба-бах меня в упор:

— Опоздали, мест в автобусе уже нет! Дождитесь следующего рейса.

Хотя пассажиры автобуса сообщили, что еще примерно шесть мест не занято, я решил не расстраиваться и подождать.

Когда подошел следующий автобус и появилась новая девушка-контролер, я предъявил свою бумажку с цифрами «12.15». Она посоветовалась с водителем и вернула ее мне.

— Раз вы опоздали на свой рейс, придется вам снова идти в кассу.

В этой ситуации можно было, конечно, начать возмущаться, нервничать, настаивать. Но я не стал. Отошел в сторону, нашел валявшийся тут же клочок бумажки, написал — каюсь! — на нем «12.30» и опять направился к автобусу.

Представь себе, уважаемый Крокодил, меня без хлопот впустили в автобус, и я благополучно доехал до Сочи.

Теперь ты понимаешь, дорогой Крокодил, почему я готов воздать хвалу бумаге?!

Л. ГАЛЕЦКИЙ,
г. Туапсе.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

ПРОЩАЛЬНАЯ ГАСТРОЛЬ

В № 18 «Крокодила» за 1981 год фельетонист А. Ячменев рассказал о гастрольной деятельности директора городского бюро Москонцерта Л. Н. Протопопова. Деятельность эта, давшая веский повод для написания фельетона «Взаимная симпатия», заключалась в том, что директор и певец Л. Н. Протопопов в обход всех строгих и наистрожайших указов, правил и законов регулярно устраивал сам себе гастрольные поездки по Мордовии, чем существенно облегчал финансовые фонды республиканской филармонии.

Художественный руководитель-директор Москонцерта И. Н. Сафонов сообщил в редакцию, что последняя гастроль героя фельетона стала одновременно и прощальной: «В настоящее время Протопопов от должности директора городского бюро Москонцерта освобожден».

БЕСПРИЗОРНЫЙ ЛИЛИПУТ

В фельетоне Ю. Борина и А. Синиченко «Капля в море» (№ 25, 1981 г.) рассказывалось о страданиях Макошинского завода сельскохозяйственных машин. Причиной бедственного положения была его роль — этакого Лилипута при могучем Гулливере, Львовском заводе «Сельхозхиммаш». Гулливер относился к Лилипуту пренебрежительно и не поставлял комплектующие детали. А без них на Макошинском заводе отчаянно горел план. Затушить пожар можно было только красивым, умело составленным отчетом. Его и написал, взяв цифры с потолка, директор завода В. Дубовой. Таким образом Лилипут составлял отчет-фикцию не один раз.

В ответе редакции заместитель министра тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР В. Чернов сообщил, что серьезные нарушения в хозяйственной деятельности стали возможны вследствие низкой ответственности руководителей завода и слабого руководства со стороны головного предприятия. После выступления журнала издан приказ по ВПО «Союзсельхозхиммаш».

За слабое руководство подчиненным заводом заместителям генерального директора Р. Грицине и Р. Атаманчуку объявлены выговоры. Начальнику ВПО «Союзсельхозхиммаш» В. Полякову и генеральному директору объединения «Львовхимсельхозмаш» Д. Ребекевше указано на слабый контроль за деятельностью Макошинского завода.

— Мы привыкли в командировки летом ездить.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

мимоходом

Если очень не хочется, но надо, то необязательно.

Часто уходил в себя, но никогда не возвращался с пустыми руками.

Евг. КОРЯГИН.

Как трудно убить в себе зверя, не попортив шкуры.

Крепко стоял на чужих ногах.

Геннадий МАЛКИН.

Для того, чтобы топтаться на одном месте, нужно как минимум это место сначала занять.

Ив. ИВАНЮК.

Всеволод КОЧЕТОВ

Рассказ

РОЛЬ ЛИЧНОСТЕЙ В ИСТОРИЯХ

Всеволоду Анисимовичу Кочетову в эти дни исполнилось бы 70 лет. Мы знаем его как писателя серьезного, остросоциального, автора всем известных романов «Журбины», «Секретарь обкома», «Чего же ты хочешь?». Будучи руководителем одного из наших толстых журналов — «Октября», Всеволод Анисимович кропотливо работал с творческой молодежью. Уютно чувствовали себя в редакции и сатирики: тут их не только привечали и жаловали, но и печатали. И не где-нибудь в «уголке смеха», на задворках журнала, а полноправно, рядом с произведениями других жанров. В «Октябре» из номера в номер помещались сатирические рассказы, повести, романы. Кроме того, и сам Всеволод Анисимович как писатель не был чужд сатиры. Об этом свидетельствует публикуемый ниже рассказ, написанный в начале литературной деятельности В. А. Кочетова.

Бухгалтер Яснопольской фабрики деревянной тары Лев Андреевич Синицын, человек пожилой, бывал всегда крайне недоволен тем томительным разрывом во времени, который в силу обычных домашних организационных неувязок образовывался между его приходом и моментом, когда наконец Неонила Васильевна разольет борщ по тарелкам.

Хмурясь и обиженно поджимая губы, Лев Андреевич доставал графинчик из буфета, выпивал две-три рюмки водки и закусывал вяленой таранкой, запасы которой всегда хранились в изрешеченном коловоротом дощатом ящике за окном и привлекали пристальное внимание окрестных кошек и котов.

Прием живительной влаги действовал благотворно. За стол Лев Андреевич садился уже в более мягком состоянии духа, а пропустив между первым и вторым еще пару рюмок, к черничному киселю, регулярно потребляемому им с лечебной целью, приближался совсем в благодушном настроении. Одобрительно поглаживая по головам маленьких Кольку и Ваську, расспрашивал старшую дочку десятиклассницу Катеньку о школьных делах и сообщал Неониле Васильевне последние новости из жизни заводской бухгалтерии: сошелся ли, например, месячный баланс, утвердили ли в облфо квартальный отчет, каково сальдо того или иного учреждения — потребителя продукции фабрики «Главящик».

После медицинского киселя отнюдь не в гомеопатической дозе и после застольных разговоров Лев Андреевич садился на полчасика в плетеное кресло-качалку и совершал, как он выражался, кейф, который состоял из выкуривания объемистой глиняной трубки, вмещавшей хорошую горсть табачных листьев. Табак этот назывался в доме почему-то турецким, хотя выращивался Львом Андреевичем в собственном огородике и имел действие столь сильное, что ноздреватый мясистый нос Льва Андреевича от многолетнего курения самозванца покрылся рыжеватыми подпалинами.

В этот субботний обеденный час, о котором идет речь, Лев Андреевич еще за столом заметил, что дочка Катенька чем-то озабочена, борщ у нее остался почти не тронутым, жареный судак тоже, очевидно, не возбудил ее аппетита, обычно вызывавшего громкие материнские восторги Неонилы Васильевны. Утерев губы салфеточкой с фамильными метками и поднявшись из-за обеденного стола, Катенька сразу же бросилась к своему письменному столику у окна. Через минуту она уже с шумом листала страницы книг и нервно грызла карандаш.

Кейфующий Лев Андреевич не выдержал наконец неизвестности и осведомился, в чем дело: мало ли — может быть, задачка не выходит или забыла слово какое как пишется,— отец поможет.

— Ах, папа, не мешайте!— отмахнулась Катенька, даже не оборачиваясь.— Какие задачки! Мне девочки доклад поручили в школьном клубе сделать. «Роль личности в истории». Это вам не дебет с кредитом.

Лев Андреевич приумолк было, очевидно, осмысливая всю тяжесть груза, взваленного безжалостными подругами на хрупкие плечики его дочери, но вдруг вновь встрепенулся.

— Вот именно,— энергично заявил он,— вот именно к отцу надо было обратиться. Сразу. Отец много пожил, много видел и сам знает, как велика роль личностей в историях. Иной раз личность — и пустяковая личность,— а такого наделает, что...

Лев Андреевич не нашел подходящего слова. Он только развел руки в стороны, выпятил толстую нижнюю губу вперед и округлил глаза.

Катенька повернулась на стуле, перестала грызть карандаш и, в свою очередь, с надеждой обратила тоскующие голубые глаза к отцу. Неонила Васильевна, разомлевшая от дневных хлопот, от обеда и уже успевшая прибрать посуду, тоже подсела к Льву Андреевичу. Васька с Колькой перестали драться.

Почувствовав такое дружное к себе внимание, Лев Андреевич снова набил свой монументальный курительный аппарат, раскурил его и приступил к рассказу.

— Было это, конечно, давненько,— начал он, выпустив несколько кубометров турецкого дыму отличной, с его точки зрения, плотности.— Лет сорок, пожалуй, тому назад. Мне этак шел тогда год девятый или десятый. И вот, помнится, в солнечный, жаркий денек сидим мы за сараюшкой у нас на дворе вдвоем с моим, как бы это вам сказать, ну, в общем, с приятелем тогдашним, такого же, как я, возраста,— Славкой Силуяновым его звали — и занимаемся... Теперь это, может быть, смешно, но занимались мы тогда тем, что изо всех сил начищали тряпкой медную лампу. Мистический опыт. Терли, одним словом, терли добрых часа три; уже не только сама лампа излучала ослепительное сияние, но даже и залоснившаяся суконка начала давать металлический блик. А ду́хов, как замыслено у нас, все нет и нет. Не являются, хоть ты пропади.

Замучились мы оба, изжарились на солнце, и наконец Славка потерял терпение.

— А ведь, поди, негодную мы лампу взяли. Старинную надо да тяжелую. Сходим давай к тетке.

А надо вам сказать, Славкина тетка в театре у нас в городском работала реквизиторшей. Беспокойная профессия. Задумали, допустим, ставить новую пьесу, нужны там, скажем, по ходу действия какие-нибудь мечи, латы, кольчуги, фикусы, швейные машинки, шелковые цилиндры, собольи палантины — Славкина тетка пускается в путь по знакомым и выпрашивает у них все это по списку. Однажды она, бедняга, голову отрубленную искала. Кто-то там на блюде какой-то средневековой вампирше подносить должен был ее в последнем акте. Головы подходящей во всем городе не нашлось, а дали тетке в одном месте краснорожую копилку «Мефистофель» с рожками. Так и сошел этот предмет за голову убиенного герцога.

В театре, за кулисами, у Славкиной тетки была специальная кладовая, совершенный комиссионный магазин. Вот мы и решили пойти как раз туда и поискать в хламе более правильную для вызова ду́хов лампу. Не такую бренчащую, пустяковую, как была эта, стащенная мною дома на кухне лампашка, а массивную — кованую или литую, древнего, по возможности, изготовления.

В театр мы явились под вечер, спектакль уже шел, на сцене что-то пели. Ну, и мы прямо прошли в реквизиторскую.

Пришли. И что же? Посреди теткиного комиссионного магазина, на самом виду, на ломберном столике, в раскрытом, отделанном внутри малиновым бархатом ящичке видим два длинных сверкающих пистолета. Граненые стволы, перламутровые рукоятки. Васька, Колька, не смотрите такими глазами! Я заявляю вам, что это был скверный, мерзкий, заслуживающий хорошей дерки поступок. Но мы были глупые мальчишки, а тетка Славкина возилась где-то у выхода, подтаскивая туда нужные для следующего акта вещи. На нас она в спешке даже и внимания не обратила. Ну, и пистолеты из ящичка исчезли... Они с лихвой заменили бы любую лампу, хотя бы подлинную, самого Аладдина.

Лев Андреевич умолк, снова раскурил погасшую было трубку и, мечтательно возведя очи к потолку, недавно свежепобеленному хлопотливыми руками Неонилы Васильевны, откинулся в качалке.

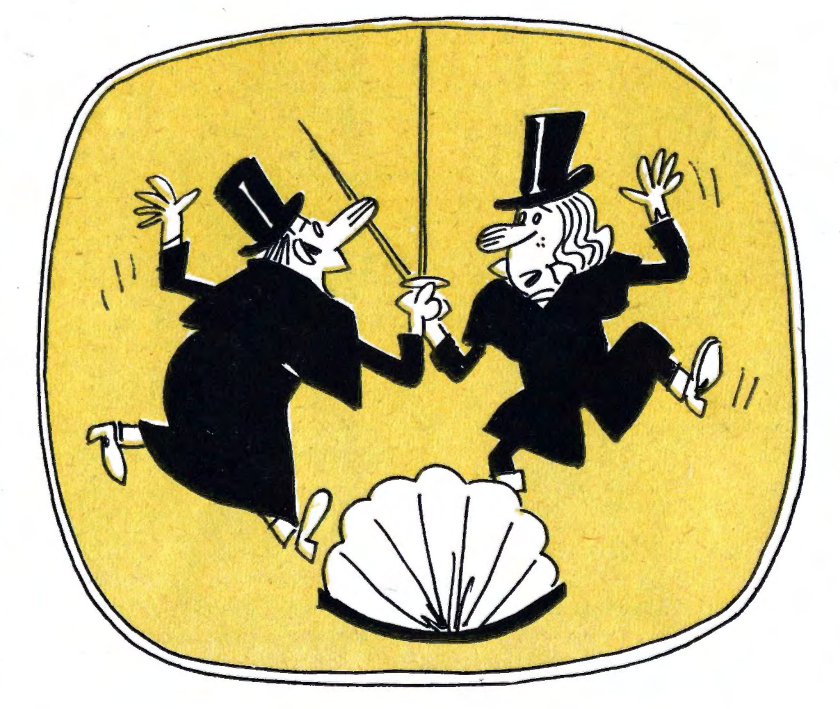
— Ну и при чем же здесь роль личности в истории?— надула губки Катенька. Луч надежды, затеплившийся в ее глазах в начале рассказа, теперь угас; она почувствовала, что зря потратила дорогое время на выслушивание воспоминаний папиного детства.

— Ах, да!— спохватился Лев Андреевич.— Главного-то я вам и не сказал. В тот вечер в театре давали...— дальше он отчеканил почти по слогам:— «Евгения Онегина».

— Боже мой!— всплеснула мягкими белыми руками озаренная догадкой Неонила Васильевна.

— Да, именно боже мой,— кратко ответствовал Лев Андреевич на восклицание супруги.— Хорошо еще, что режиссер не растерялся, и впервые в истории русского театра вопреки официальному тексту Александра Сергеевича Пушкина и свидетельским показаниям Петра Ильича Чайковского Онегин с Ленским в этот исторический вечер дрались на шпагах.

Вот и представьте себе, какую невероятную роль сыграли наши мелкие личности в этой потрясающей истории. Между прочим, добавлю: и прессе мы задали работу. На другой день театральный критик писал в местной газете, что шпаги в «Евгении Онегине», пожалуй, даже более соответствуют замыслу поэта, чем пистолеты, и что, дескать, режиссер смелой трактовкой сцены дуэли, решительным вмешательством в, очевидно, искаженный впоследствии пушкинский текст сумел восстановить историческую правду. Ведь Ленский сам же говорит: «Паду ли я, стрелой пронзенный»,— то есть пронзенный холодным оружием. Вот видите — и вы задумались.

С. КУЛЯБИН

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ СЛЁЗЫ

Группа не очень сознательных граждан, а точнее, вовсе даже не сознательных, решила сама себе предоставлять отпуска. Бывали в их календарях дни, когда не очень хотелось радовать родные предприятия трудовыми успехами. Им в эти дни больше нравилось постоять с кружкой пива, высказаться об уважении друг к другу.

Однако это желание теплого общения упиралось в холодную стену реальности.

Как попасть в пивную, если ты должен в это время производить материальные ценности? А в руках — дрожь, в голове — шум, во рту — сухость... Как объяснить устно администрации такое свое муторное состояние?

И нашелся выход, простой до чрезвычайности. Не надо никому ничего устно объяснять. Ставь бутылку — и будет у тебя в руках справка, документ со штампами и печатями, оправдывающий неприсутствие на рабочем месте.

Председателем «общественного комитета, освобождающего от работы», был гражданин Щербинин В. В., работавший слесарем в Московском онкологическом институте имени Герцена. Зав. канцелярией и главным писарем считался Л. С. Никитин, бывший рабочий того же учреждения.

Тут, пожалуй, самое время ответить на вопрос, откуда «комитетчики» брали бланки, штампы и прочую канцелярскую оснастку. Нет, нет, искусных граверов, тайно вырезающих штампы и печати, не было. Подпольной типографии, печатающей бланки медучреждений, тоже не существовало.

Просто Щербинин, проходя по территории больницы имени Боткина, всегда обращал внимание на то место, где сваливают мусор. И не зря обращал: один раз нашел там штамп «Московская гор. больница им. Боткина». Другой — «Рентгенологическое исследование». Там же подобрал чистые бланки больницы, отпечатанные типографским способом.

— Ну, — выскажутся искушенные в житейских делах читатели, — ну где это видано, чтобы бланки и штампы просто так, за здорово живешь, на помойке валялись?

Видано. Валялись. И, возможно, еще будут валяться. Ведь старшая медсестра Боткинской больницы Л. В. Хомутова на вопрос следователя ответила так: «Если штамп пришел в негодность, порвалась резинка или еще что, мы такой штамп просто выбрасываем».

Несколько типографских бланков института имени Герцена с оттисками штампов Щербинин примитивно спер в одном из кабинетов института, где он служил, как уже говорилось, слесарем. И где эти бланки лежали в изобилии, в полной безнадзорности.

Заполнял пустые бланки Никитин, потому что, как он объяснил на суде, умел писать без клякс.

Поперьоначалу было трудновато. Потом, поднаторев, Никитин с легкостью ставил любые диагнозы. Например:

«Гр. Дмитриев Ю. В. находился в институте им. Герцена 28—29. IV. Жалоба на злокачественную опухоль в области ладыжки левой ноги».

В. Гомозов представил в табельную завода «Знамя труда» справку: «D. S. Пищевая Энтаксикация».

Липовые справки проходили не через одни руки, их рассматривала, во всяком случае, должна была рассматривать, не одна пара глаз. Да одно дело — смотреть, а другое — видеть...

Уж кто-кто, а работники табельных, отделов кадров и бухгалтерий должны, кажется, знать, каким штампам надлежит стоять на справках и на какой срок эти справки выдаются.

Так, например, пьяница и летун Исаенков представил на табачную фабрику «Дукат» справку, освобождающую его от работы на целых восемь дней. И никто из администрации не спросил, почему у него нет, как это положено, стандартного больничного листа.

Тот же Исаенков полугодом раньше сдал справку — освобождение на одиннадцать дней — в табельную научно-исследовательского тракторного института. И справка была подшита, куда ей подшитой быть надлежит, и оставалась там вплоть до той поры, пока ею не заинтересовался следователь.

Может быть, на должностных лиц завораживающе действовала круглая печать, стоящая на каждом «документе»: «Врач А. И. Беневский»? Ведь и этой печатью обзавелись махинаторы, хотя на помойке она не валялась. Просто как-то зашел доктор побаловаться пивком в ту самую пивную. И пока шустрил насчет пустой кружки, у него увели портфель вместе с печатью.

Вот так и получилось: одни небрежно хранили, другие просто выкинули на свалку. Как и следовало ожидать, нашлись те, кто сумел все, вместе взятое, пустить в «дело».

Председатель «комитета по освобождению от работы», технический секретарь и некоторые особо активные их клиенты по приговору суда отбыли в места, где подобные справки не требуются.

Ну, а тем, кто по долгу службы должен смотреть в документы, хочется пожелать, чтобы жалобы на злокачественную опухоль в области лодыжки левой ноги, даже осложненную «энтаксикацией», не вызывали у них горючих слез жалости. Ведь слезы застилают глаза. А в любой документ надо смотреть ничем не замутненным взглядом.

— Ну как? Поднимемся дом смотреть или сразу акт приемки подпишем?

Рисунок Г. ИОРША.

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

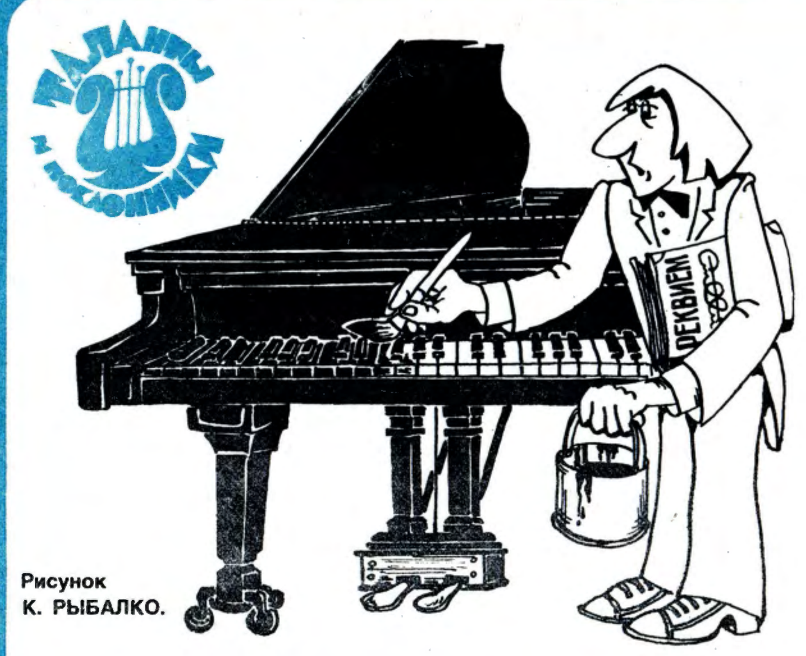

Рисунок К. РЫБАЛКО.

Арк. ИНИН

«Куда идёт Феллини?..»

Рассказ

Инженер-сантехник Захаров любил кино. Он любил кино страстно, беззаветно и трепетно. Так, как другие любят женщин или деньги.

Захаров мог смотреть кино часами. И мог днями говорить о кино. Высшим наслаждением для него были углубленные беседы об итальянском неореализме и немецком экспрессионизме, разговоры о достоинствах французской «новой волны» и недостатках старой голливудской «фабрики грез», размышления о том, куда идет Феллини и куда пришел Тарковский.

Но как редки и как недостаточны были эти беседы в обычном окружении инженера-сантехника! Как не хватало ему общения с теми, кто непосредственно творит волшебное искусство! Как хотелось ему профессионального мнения, компетентной точки зрения, взгляда на кино изнутри кино!

Каждому человеку хоть раз в жизни везет. Повезло и Захарову: ему досталась горящая путевка в Дом творчества кинематографистов.

Всю неделю перед отъездом Захаров не спал. Всю неделю он штудировал и без того знакомые наизусть тома истории киноискусства и кинословари, готовясь к волнительным встречам и содержательным беседам с корифеями монтажа, титанами рапида, гигантами крупного, среднего и общего планов.

Дом творчества встретил Захарова солнцем, пылающим, как «юпитер» в павильоне, кипарисами, похожими на неплохие декорации, морем, будто снятым натурным фоном на рирпроекции, и обилием знакомых лиц лично ему незнакомых людей. Захаров знал эти лица по экранам кино и телевидения, они слетелись сюда с глянцевых страниц киножурналов и календарей, они здесь сказочно материализовались из рекламных афиш и открыток киосков «Союзпечати».

Захаров был счастлив и растерян. Он не знал, кого выбрать первым для беседы о тайнах киноискусства. Наконец случай свел его на закате со знаменитым кинорежиссером Бреевым. Они стояли на берегу и наблюдали пурпурное солнце, медленно клонившееся к изумрудным волнам.

— Красиво! — робко заметил Захаров.— Цветовая гамма близка Антониони времен его «Красной пустыни», не правда ли?

— А? — рассеянно переспросил режиссер и, морщась, потер поясницу.— Гамма — это ладно, но важно, куда оно сядет: в тучку или в волну. Если в тучку — к дождю.

Захаров быстро перестроился:

— Дождь над морем — в этом есть нечто апокалипсическое. Как у Копполы. Снизу вода, сверху вода...

— Да-да, сырость!

Режиссер снова потер поясницу и битый час рассказывал Захарову о своем радикулите.

Захаров был потрясен. О чем говорил художник?! Впрочем, поразмыслив, он пришел к выводу, что радикулит — болезнь нешуточная и художника можно понять. Как говорится, у кого что болит...

Он решил впредь не беспокоить страдающего режиссера и найти иной объект для трепетной кинобеседы.

Популярную актрису Лялину он застал на пляже, где она задумчиво строила замок из песка.

— Красиво, — одобрил Захаров. — Вспоминается ранний Бергман с его символикой старинных замков и вообще склонностью к мифу, легенде, некой сказочности...

— Моя Изольдочка обожает сказки! — оживилась Лялина.— И «Красную Шапочку», и «Синюю Бороду»...

— Синяя Борода, как и Франкенштейн,— попробовал Захаров повернуть разговор,— самый распространенный сюжет фильмов ужасов...

— Ужас!— воскликнула Лялина.— Мой Феофан — это просто какой-то ужас: он сказки только рвет!

И, уже не давая Захарову перехватить инициативу, она до обеда рассказывала ему о своих детях — прелестной Изольде и ужасном Феофане.

Захаров был крайне огорчен. Но все же нашел оправдание и для актрисы: дети — это святое. Он тоскливо дослушал ее рассказ и вырвался в открытое море.

В море Захаров отловил известного сценариста Макаревича. Обессиленный попыткой путем дальнего заплыва согнать живот, Макаревич висел на буйке. Захаров подгреб к нему и приступил к беседе:

— Красиво! Человек один среди волн... Бертолуччи мог бы соединить это на экране: одинокий пловец, связанный невидимыми сообщающимися сосудами памяти с бассейном общечеловеческого океана...

— Старик,— задумчиво перебил Макаревич,— ты случайно не по сантехнической части?

— Нет! — вздрогнул Захаров, пораженный прозорливостью творца.— Нет-нет, я совсем по другой части... ну, по этой...

— Жаль,— огорчился Макаревич.— А я как раз сауну с бассейном задумал на даче, чтоб она сгорела! Так разве трубы достанешь и прочую муру...

— Дача — конечно, островок природы,— сделал последнюю попытку Захаров.— Своего рода «сад камней», созерцаемый самураями Куросавы в момент, когда...

— Куросава? — задумался Макаревич.— Да-а, у японцев, говорят, сауны складные, в чемодан запихнуть можно... Слушай, старик, а может, ты по части мебельной?

Захаров понял, что приехал сюда зря. Но, что поделаешь, народ киношный оказался вполне симпатичным, его радушно приняли в свою компанию, и вскоре он уже довольно бодро и почти квалифицированно включался в разговоры о футболе и политике, о рыбной ловле и парапсихологии, о гонорарах и долгах. Ну а кино... Что кино? В конце концов не на нем свет клином! Захаров смирился, забылся и отключился.

Но однажды... Однажды, проходя мимо тенистой беседки, он услышал, как мужской голос убежденно произнес: «И все-таки неореализм жив!» Захаров вздрогнул и остановился. Мужчине в беседке ответила женщина: «Да, но он продолжается в иных формах: синема-верите, кинематограф факта, актер из толпы...» Сердце Захарова забилось сильно и молодо. А женщину прервал другой мужской голос: «Ну что вы, неореализм скончался вместе с Росселини!»

И тогда Захаров, подчиняясь неведомой, но властной силе, вбежал в беседку и воскликнул:

— Нет, нет и нет! Неореализм жив и не умрет никогда!

Двое мужчин и женщина уставились на него. Их лица были ему незнакомы. Ни по экрану, ни по открыткам. Видимо, это были те, о ком пишут, что они «за кадром». Возможно, операторы, монтажеры, художники... Они смотрели на него, он — на них. Пауза затягивалась, и Захаров, чувствуя, что может потерять единственную возможность общения с истинными творцами кино, решительно представился:

— Захаров! Инженер-сантехник.

— Очень приятно,— кивнул первый мужчина.— Курляев, врач.

— Ильина, учительница,— сообщила женщина.

А второй мужчина признался почему-то смущенно:

— Бубулия, директор мебельного магазина.

Все четверо улыбнулись друг другу. И Захаров понял, что все-таки приехал в Дом творчества не зря!

ПЕРЕПЕВЫ

Алексей ПЬЯНОВ

В поисках души

Я, может быть, некстати
Скажу: ты хороша
И юностью и статью,
Да только вот... душа...

Оглянется прохожий —
Идешь ты не спеша...
Ты и умна, похоже,
Да только вот... душа.

Марк ЛИСЯНСКИЙ.

По вечерам всегда я
Из дома выхожу
И по привычке давней
На девушек гляжу.

Вчера такую, братцы,
Видал на Беговой,
Что, честно вам признаться,
И нынче сам не свой.

Походка! Взгляд! Фактура!
Застенчива. Скромна.
Не женщина — скульптура!
И — со спины — умна.

Я подошел поближе
И молвил чуть дыша:
«Все остальное — вижу,
Но где ж у вас... душа?!»

Застенчиво взглянула.
«Да есть,— сказала,— есть...»
Дубленку распахнула
И показала: «Здесь!»

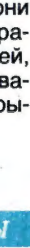
— Половину гонорара мне!

Рисунок Б. САВКОВА.

ПЕРЕПЕВЫ

Евгений НОВИЧИХИН

На победной ноте

Снег сошел, ручьясь. Поля раздеты.
Пополнели почки на ветвях...
Утренеют на победной ноте
Строки на газетных полосах...

Сергей МАКАРОВ.

В марте сходит снег, ручьясь,
а в мае,
Кочкясь и пылея,
сходит грязь.
Я за всем, поэтясь, наблюдаю
И сажусь работать, наблюдясь.

Подойдут, повременея, сроки,
И тогда, проснясь, увидят все,
Как, газетясь, утренеют строки,
Буквясь и словясь на полосе!

г. Воронеж.

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

ПЕРЕПЕВЫ

Владилен ПРУДОВСКИЙ

Сонное сочинение

Мне снились ноздри! Тысячи
ноздрей...
Я как бы сплю — и лошадь
голубая
Встает у изголовья моего.

Юрий КУЗНЕЦОВ.

Ах, сны мои! Кондовые вериги!
От вас мне нет покоя,
хоть убей!
И снится мне толпа
у Дома книги,
по меньшей мере
в тысячу ноздрей.

А из нее,
толпы бессчетноликой,
доносятся, естественно,
во сне
воинственно пронзительные
крики:
— И я хочу! И мне! И мне!
И мне!
И я, во сне опять же,
вопрошаю
у лошади знакомой, голубой:
— Из-за чего сумятица такая?
Из-за чего идет здесь
смертный бой?

Лошадка объясняет мне
толково,
с усмешкою в глазах
и на губах:
— Все метят на подписку
Кузнецова,
собранье снов в двенадцати
томах!

г. Запорожье.

Рисунок И. НОВИКОВА.

НА ДАЧЕ ПОЭТА-САТИРИКА.

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

Николай ЭНТЕЛИС

СКАНДАЛЬНЫЙ ОДНОФАМИЛЕЦ

Лидер западногерманских реакционеров Ф.-Й. Штраус заявил: «Да, я приветствую производство нейтронного оружия, оно необходимо нам сейчас для бундесвера».

Не венский Штраус—
Штраус из Баварии
БАВАРВАРСКИЕ
Распевает арии.

ФАЛЬШИВЫЙ БИЛЕТ ДО СТАНЦИИ «СЧАСТЬЕ»

Предисловие от редакции

Рассказ, который вы сейчас прочтете, взят нами из лондонского журнала «Уикэнд», издаваемого на потребу английского мещанства. Красотки в пляжных костюмах на цветных обложках, рецепты изготовления салатов и пудингов, любовные истории кино- и телезвезд, репортажи из замков с привидениями и прочая всякая развлекательная всячина заполняют страницы журнала. Короче говоря, каждый номер «Уикэнда» подобен куче теплого песка, куда редакция приглашает читателя по-страусиному засунуть голову, чтобы не видеть и не слышать кошмаров окружающей реальности. Ни словечка об угрозе войны, ни вздоха о безработице, ни строчки о расовых бунтах в самой Англии, ни намека на трагедию Ольстера.

Но действительность грохочет кулаком в двери «Уикэнда», и редакционные страусы начинают побаиваться, как бы позиция «ничего не вижу, ничего не слышу» не обернулась потерей подписчиков. А это уже серьезно. И вот на страницах журнала появляется рассказ РОЗМАРИ ТИМПЕРЛЕЙ

ПЕРЕМЕНА В ЖИЗНИ

Перед выходом Пэт проверила содержимое сумочки. Кошелек, чековая книжка, ключи от квартиры—все на месте.

Довольно мурлыча песенку, она подхватила хозяйственную корзинку и вышла из дому. И только на автобусной остановке сообразила, что оставила дома сумочку.

— Проклятье, — пробормотала Пэт.—Ну, надо же быть такой дурой! Что делать? Боб вернется с работы не раньше чем через три часа. Пойти в полицию? Но нет, стыдно поднимать шум из-за собственной глупости.

О покупках теперь нечего было и думать, поскольку все деньги остались дома. Она не могла наскрести даже на чашку чая.

Злясь на себя, Пэт побрела в парк.

Чуть не час бродила она среди деревьев и наконец, усталая, замерзшая, опустилась на скамью. И тут откуда-то сбоку возник юноша, тощий и оборванный. Он бросил на Пэт изучающий взгляд.

— Не могли бы вы дать мне пятьдесят пенсов?—попросил он.

— Сожалею, но у меня нет с собой денег,—ответила Пэт.

Парнишка скривил рот, глядя на ее дорогой костюм.

— Сказали бы просто: «Не дам»,—и все. Я бы не обиделся.

— Но я говорю правду. Я забыла дома сумку с деньгами и ключами от двери. Вот сижу и дожидаюсь, когда вернется муж.

Парень фыркнул.

— Да если у вас обыкновенный замок, я его запросто открою кусочком пластика. Один друг научил меня таким фокусам.—И вдруг он усмехнулся:—Вот что, давайте я вам за полфунта открою дверь.

Пэт заколебалась, но, подумав, решила рискнуть.

— Хорошо, принимаю твои условия.

Парень считанные минуты повозился с замком, и дверь открылась.

— Добро пожаловать в ваш дом,—сказал он, и Пэт облегченно расхохоталась.

— О, я тебе так благодарна,—сказала она.—Заходи, пожалуйста. Выпьем кофе.

Они разговорились, и Пэт узнала, что подростка зовут Терри, ему семнадцать лет и у него нет ни одного друга в мире. В город он приехал в поисках работы, но тротуаров, мощенных золотом, не обнаружил. И вот теперь, истратив остатки пособия, он без гроша в кармане бродит по улицам, существуя на тарелку супа с кухни благотворительной организации.

Он взглянул на Пэт через стол и сказал:

— Полтора года назад у меня и в мыслях не было, что я когда-нибудь буду просить милостыню. А теперь вот пришлось спрятать гордость подальше... Когда погода позволяет, сплю на улице, а если холод пробирает, иду в ночлежку. Ох, там такие есть выжившие из ума старики, вам бы на них посмотреть... Неужели и я тем же кончу?..

Пэт ужаснулась:

— Но ведь у тебя, наверное, есть родители?

— Они далеко. Да и зачем я к ним поволокусь? Чтобы рассказать, до чего я докатился в жизни? Думаешь, что с тобой такого никогда не случится, а вот случается...

Когда Терри собрался уходить, Пэт дала ему фунт стерлингов.

— Мне было хорошо у вас. Спасибо за деньги,—сказал он.

Прошло полгода. Поздно вечером хорошо одетый молодой человек вышел из автобуса и торопливо зашагал по темной улице. Он шел, наклонив голову, пряча лицо от дождя, и не заметил, как из ближайшего подъезда вышла женщина. Он налетел на нее и вдруг радостно воскликнул:

— О, Пэт, как вы тут оказались?

Женщина рассмеялась.

— Я могу задать тебе тот же самый вопрос, Терри. Я распределяю суп среди бездомных стариков. Вступила в группу, которая по вечерам подкармливает бездомных и опустившихся. Это та наша встреча с тобою, Терри, навела меня на мысль заняться таким делом. И теперь я чувствую себя более счастливой, чем прежде. Ты помог мне изменить мою жизнь. Но и у тебя, я смотрю, перемены? Судя по твоему виду, ты здорово пошел вверх.

Терри ухмыльнулся.

— Так оно и есть. Получил прекрасную работу, обзавелся собственной квартирой, даже с садиком. И все благодаря вам.

Пэт не поняла.

— Благодаря мне? Каким образом?

— В тот день после нашей встречи я сел в поезд и поехал по объявлению устраиваться на работу. Со мной побеседовали и взяли меня. А ведь за билет на поезд я уплатил тот самый фунт, что вы мне дали.

Перевел В. МАРКИН.

Послесловие от редакции

Что говорить, рассказик сентиментальный и даже мелодраматический. И все же в нем слышны нотки правды о суровой действительности сегодняшней Англии.

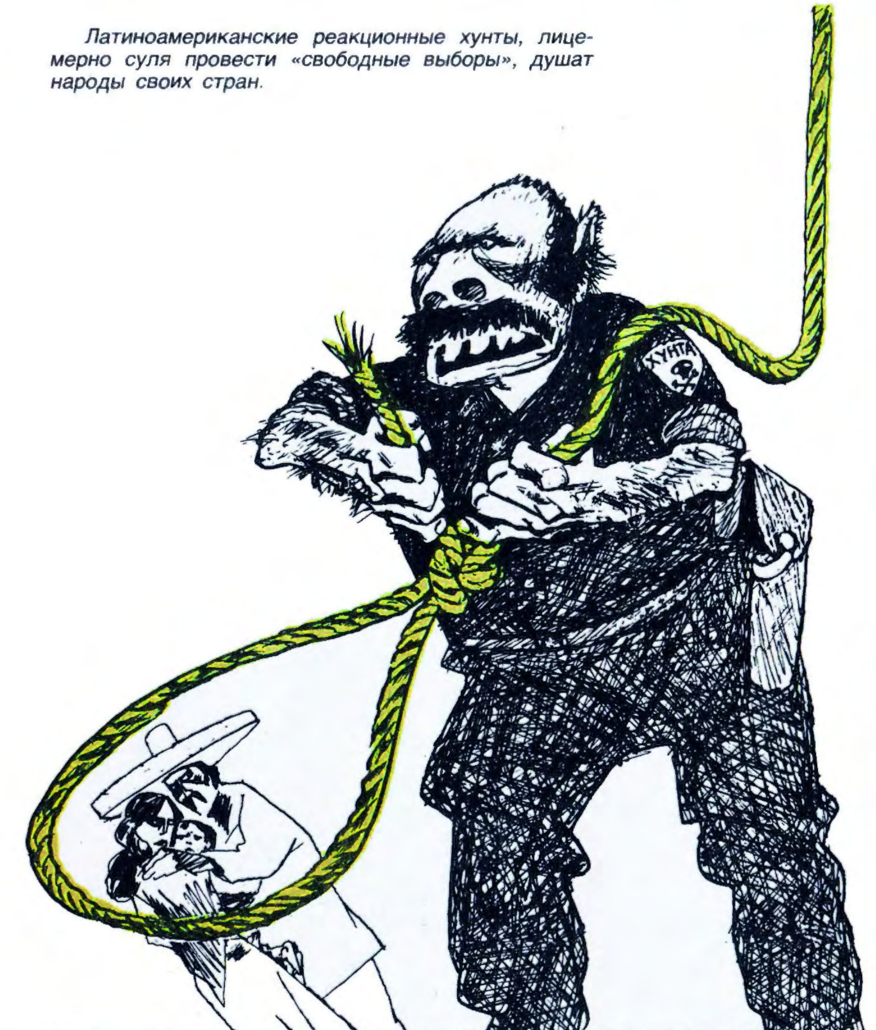
Автор Розмари Тимперлей не предрасположена к юмору. Ей не до смеха. Мы же решили напечатать этот рассказ как раз потому, что усмотрели в «счастливой», приторно фальшивой концовке горький юмор. Ах, если бы все проблемы трех миллионов английских безработных решались с помощью железнодорожного билета! Да вот беда—безработных в Англии с каждым днем все больше, а рабочих мест все меньше. Так что ехать-то куда? Ехать-то некуда...

Между Пекином и Вашингтоном достигнута принципиальная договоренность о поставках американского вооружения пекинским гегемонистам.

В ТАРУ ПОКУПАТЕЛЯ.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА.

Латиноамериканские реакционные хунты, лицемерно суля провести «свободные выборы», душат народы своих стран.

— Завяжу-ка узелок на память о свободе и демократии!

Рисунок В. МОЧАЛОВА.

СПОСОБНЫЙ КАНДИДАТ

Говорят, недавно в Пентагоне происходил дополнительный набор кадров. Из многих кандидатов взяли лишь одного. Хотите знать, чем он отличился от остальных? Сейчас расскажем.

Большая комната. Натурально, стол. За ним высшие чины министерства, возглавляет комиссию сам Каспар Уайнбергер. Входит соискатель.

— Ваше имя, фамилия?

— Питер Смит, подполковник, морская пехота.

— Прекрасно. Что нужно сделать, мистер Смит, для укрепления мира во всем мире?

Подполковник Смит выпучил глаза. Если бы его спросили, не желает ли он выпить бутылочку бензина и закусить осколочной гранатой, он бы удивился куда меньше. Не поверив услышанному, Смит засунул в ухо мизинец и заработал им, как турбобуром. Прочистив орган слуха, подполковник переспросил:

— Вы сказали «для укрепления мира во всем мире»?

— Именно так!—иезуитски улыбаясь, подтвердил экзаменатор.

И тут Смита осенило—высокая комиссия просто проверяет его чувство юмора! Широко улыбнувшись, он в лад начальству перестроился на ироническую волну:

— Ради этой высокой цели необходимо добиться всеобщего разоружения и по крайней мере запрещения ядерного оружия!

Повисло тягостное молчание. За столом уже никто не улыбался.

— Благодарю вас,—сухо произнес председатель комиссии.—Сожалею, но вы нам не подойдете. Следующий!

В коридоре к несчастному бросились другие соискатели. «Что спрашивают, что отвечал? Как, не взяли? Странно...»

Тем временем комиссия интересовалась знаниями морского лейтенанта.

— Что вы думаете об оборонных возможностях Соединенных Штатов?

— О, я о них весьма высокого мнения, весьма! Я бы даже сказал, джентльмены,—лейтенант конфиденциально понизил голос,—что наши оборонные возможности, пожалуй, даже несколько превосходят наши потребности, хе-хе...

Члены комиссии заметно погрустнели.

— Достаточно. Подыскивайте себе другую работу.

Обалдевший лейтенант на ватных ногах вышел в коридор. Там его больше всех донимал вопросами один майор, которому предстояло идти следующим. Этот майор уже кое-что сообразил.

— Так что разрешите доложить—майор Джек Пипси!—отрапортовал третий кандидат, возникнув пред очами комиссии.—Представляю абсолютно безоружные вооруженные силы США. Кулаки и зубы—многие, увы, с пломбами—вот и все, чем мы располагаем для обороны от жуткой мощи русских. Соединенным Штатам, у которых нет, ну, ровнехонько никаких авианосцев, не говоря уже о ракетах, нужно незамедлительно увеличить бюджетные расходы на оборону страны. Начать, так сказать, с нуля и быстро превзойти Россию. Только так мы обеспечим мир на земле.

— Так, так,—оживились члены комиссии.—Продолжайте!

А майор, учуявший, что попал в яблочко, несся дальше.

— Надо немедленно приступить к производству нейтронного оружия, увеличить число баз за границей. Превратить эту чертовку Европу в наш военный арсенал! Начать поголовное военное обучение с учеников третьего класса. Стариков подготовить к ведению ближнего боя! Старухи подойдут для десантирования на минные поля...

— Стоп, майор! Прекрасно! Вы настоящий американец! Считайте, что вы приняты по первой категории. Перед вами открывается большое будущее!

И члены комиссии бросились поздравлять бравого майора. А потом к нему подошел сам министр.

— Поздравляю, майор! А скажите, как говорится, между нами, откуда у вас такая правильная, я бы сказал, принципиальная позиция?

— О, господин Уайнбергер, я буду откровенным. Видите ли, сижу я на днях в парикмахерской, жду очереди. Делать-то нечего, взял со скуки газетку. А там пишут о вашей недавней поездке по Европе, публикуют ваши речи. И мне запомнилось, как вы остроумно сказали в ирландском городе Шэноне, помните: «Разоружение—не лучший путь к сохранению мира». Ну, выводы только дурак не сделает.

— Ну, а насчет нашей, ха-ха, беззащитности? Это вы откуда взяли?

— А вот отсюда, господин министр, из вашего выдающегося произведения, можно сказать, самый надежный источник.

И, улыбаясь до ушей, майор вытащил и поднял над головой отшлепанную в типографии Пентагона книжицу «Советская военная мощь», где о мощи американской военной машины ни гу-гу, словно таковой и в природе не существует.

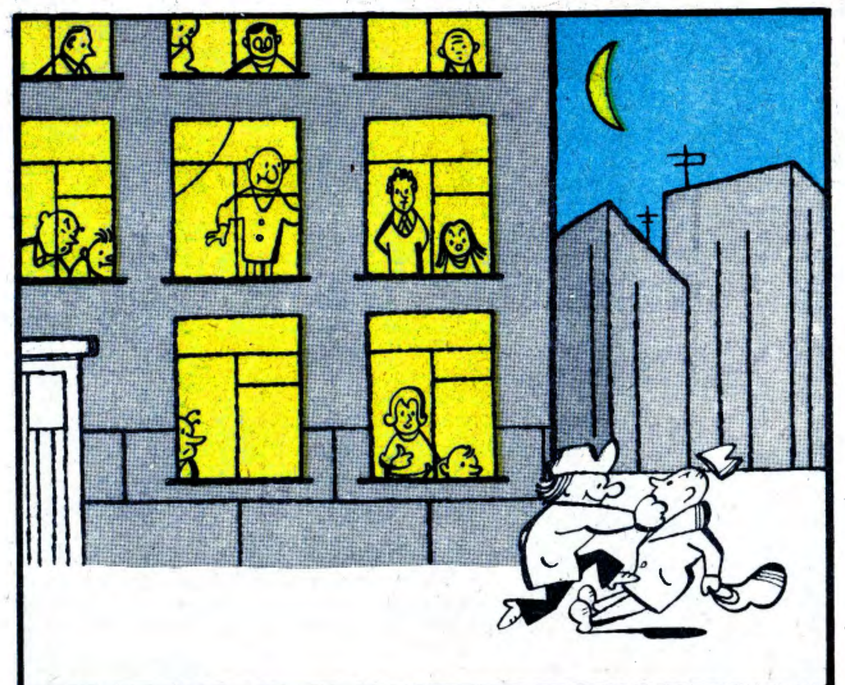
— Молодец, Пипси, далеко пойдете!—И министр ласково потрепал майора по плечу.

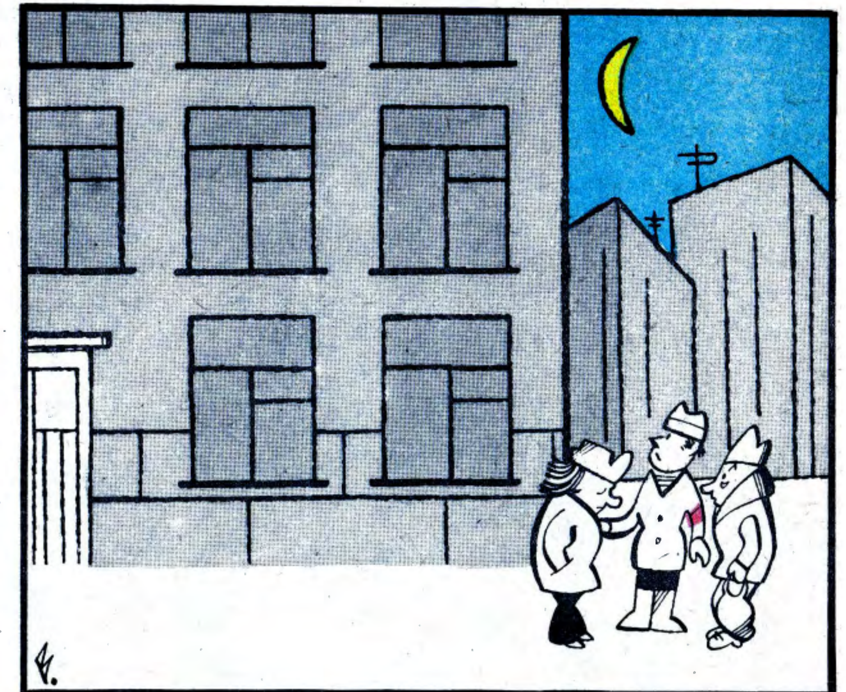
Я. МАЛЫКИН.

ОТРЕЗВЛЯЮЩИЙ ДУШ...

Рисунок М. АБРАМОВА.

— Свидетели есть?..

Рисунок М. ВАЙСБОРДА.

Татьяна СЛУЦКАЯ

Рассказ

ГВОЗДЬ В БОТИНКЕ

Приближается время, когда хочется говорить о здоровье. Типовой вопрос «Как жизнь?» постепенно теряет оттенок формальности и приобретает глобальный смысл: жить вообще или не жить?!

Заметили? Теперь, когда нас спрашивают о самочувствии, мы стремимся отвечать долго и в деталях. Мы приходим в гости, садимся за стол и три с половиной часа говорим про желудок, холестерин и кукурузные рыльца. Причем все стали ужасно разборчивые: это им вредно, а это можно, но лучше ни в коем случае.

Недавно я пригласила одну пару на легкий ужин.

— Что это?— спросил он подозрительно.

— Печень в кисло-сладком соусе, а что?

— Ни-ни.— Она оттолкнула тарелку.— Нам нельзя этот орган под маринадом...

Потом он категорически отказался от кофе. Оказывается, он уже много лет считает, что кофе вреден. Она, наоборот, что полезен. Пока они спорили, вопрос отпал сам собой: я заварила чай.

Они говорят, что очень помогает женьшеневый корень в сочетании с облепиховым маслом. Они говорят, если обмазаться и пить, действует превосходно.

— Но нельзя злоупотреблять,— нахмурилась она.

— Конечно,— тут же согласился он.— Не больше двухсот граммов и с хорошей закуской...

Кстати, вы заметили, вокруг разговоры только об этом?

На работе — анализы, желчные пузыри и диеты.

На пляже — глазное дно и песочек в почках.

На собрании шепчутся о верхнем давлении и как быть, чтобы нормализовать. И, главное, все научились лечиться самостоятельно. Все всё знают, им есть о чем поговорить. А если ты вне темы, то уже никому не интересен...

Помню, как я страдала, когда у меня не болело!

Все сидят под торшером и рассуждают о своих митральных клапанах, а ты прямо как белая ворона.

И вдруг — о счастье!— заболело то место, где кость впадает в пятку. Таким образом возник повод созвать друзей на свой пяточный сустав.

Это был незабываемый вечер! Говорили до вторых петухов, хотя курица оказалась жесткой. Я чувствовала себя именинницей, пока сослуживец со стороны мужа не взял слово:

— Серьезно, ей нужно к специалисту! А вдруг это... гм... бурсит? Возможно даже... гендобурсит? Конечно, не смертельно, хотя...— И он сделал траурные глаза.

В ту ночь я не сомкнула глаз. Нога побаливала. Перед рассветом я растолкала мужа:

— Запомни, только кремация!

Он сказал: «Подожди до завтра» — и в ту же секунду заснул.

Наутро я понеслась к врачу.

Эта ласточка в белом халате все поняла и, ни слова не говоря, отправила меня на анализы.

Наконец-то моя жизнь обрела смысл! Наконец я стала в очередь, как все люди,— на голодный желудок! И что характерно, симпатичная гипертоничка с межреберной невралгией говорила со мной, как с равной. Это она посоветовала компрессы из редьки, настоянной на спирте...

Чтобы сбегать за редькой, я обратилась к диабетику с внешностью Бетховена, который стоял сзади:

— Простите, вы никуда не уйдете?

Тот неопределенно кивнул.

— Никуда-никуда?— переспросила я громко.— Кровь из носу?

— Нет, из пальца,— объяснил мне Бетховен.

И вот настал миг, когда я вошла в святая святых. Мне хотелось запомнить все: пробирки и трубочки, эти белоснежные фасоны с хлястиками и без. Но когда они вцепились в мой палец, мне стало нехорошо.

— Как, без наркоза?!— крикнула я, теряя сознание.

Впрочем, через полчаса меня привели в чувство.

Подходя к дому, я внимательно вслушивалась в себя: уколотый палец болел, а нога по-прежнему только побаливала. Зато в сумке лежало два кило лекарств пополам с редькой.

Редьку тер муж. Он же бегал за растворителем. Принес три бутылки портвейна и спросил:

— Этого хватит?

А я в то время сидела у телефона, приглашая всех на вечерний консилиум.

Программа намечалась обширная. На первое — оздоровительная гимнастика. На второе — диабетический стол с комплексом витаминов по алфавиту. Из напитков, естественно, «Ессентуки» и отвар из крапивы. Кроме того, все желающие могут натереться редькой на портвейне, мне ничего не жалко! Оставался десерт... Да, на десерт я решила подать что-нибудь интеллектуальное. Например, чтение вслух лекарственных аннотаций. Мне даже захотелось кое-что выучить наизусть, чтобы им спеть под гитару.

Для пробы проглотила по семь таблеток из каждой коробочки. И принялась репетировать перед зеркалом.

Наиболее выразительно вечером звучал куплет о побочных действиях того, что я только что проглотила, включая возможное головокружение, глухоту, нарушение зрения, а также общее психическое расстройство... Причем гости это заметили сразу. И первой — моя ближайшая подруга, которая пришла со своей мерцательной аритмией.

— Ты еще жива, ненормальная?!— поинтересовалась она.

Но я не расслышала: отказал слух.

— Здоровье, значит, у тебя железное!— прокричала подруга.— Можешь гвозди есть!

Именно эта фраза натолкнула мужа на мысль: он вдруг исчез, затем вернулся, потрясая моим ботинком с правой ноги.

— Это же гвоздь!— воскликнул он радостно.

Действительно, внутри торчал тот самый гвоздь, от которого у меня и побаливало...

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ

...И с плеч долой

Истории с памятниками истории

Я, конечно, понимаю, что затрагиваю тему отнюдь не новую. Но некоторая новизна, с которой подошли отцы города Конакова к охране памятников истории и культуры, подтолкнула меня об этом написать.

Для начала взгляните на фотографию.

Здесь очень наглядно зафиксировано, как заботливо защищен от воздействия атмосферных осадков, от солнечных лучей и морозов, а заодно и от любопытных людских взоров памятник П. П. Конакову. Каждый в округе знает имя человека, отдавшего жизнь за счастье народное во время первой русской революции. В честь его и назван наш город.

Конечно, более чем за десятилетие этой охранительной операции некоторые дощечки отвалились и осадки все же проникли внутрь. Видите потеки на сапогах? Но это не беда. И если ты, дорогой Крокодил, поможешь, то те, кому положено, и сапоги почистят и дощечки прибьют.

Но это еще не все. За ящиком — башня оригинального здания, одного из первых в России, построенных специально для провинциальных кинотеатров (1910—1912 гг.). Оно интересно еще и тем, что стены его сложены из безобжигового кирпича, предшественника современного силикатного. Кирпич этот делали из остатков бетонного раствора при строительстве нашего известного фаянсового завода.

Для конаковской истории это здание много значит: здесь провозглашалась Советская власть, здесь был первый рабочий клуб.

Сейчас в нем учебно-технический пункт городского комитета ДОСААФ. Городской совет Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), как и должно быть, рекомендовал помещение для краеведческого музея. Инициатива была одобрена. Но для претворения ее в жизнь нужно переселить куда-то ДОСААФ.

Однако исполком городского Совета народных депутатов ждет, когда ДОСААФ построит собственное помещение. Комитет ДОСААФ ждет, когда здание, где сейчас он расположен, начнет разваливаться, и принимает всяческие меры для ускорения этого процесса, потому как деньги на новое здание, естественно, тоже дадут, когда старое развалится.

Вот такие, значит, истории с памятниками истории.

Г. ЛУБОВ,
член городского совета ВООПИК,
г. Конаково.
Фото А. Калиона.

Отклики и реплики

Мы видали и не такое

В 9-м номере журнала за 1981 год ты напечатал заметку «Но, увы, граждане!..», предполагая, видимо, удивить читателя. Напрасный труд. Мы видали и не такое. Пензенские успехи по потраве рыбы выглядят кустарщиной по сравнению с нашими, тульскими. У нас на реке Упе потрава рыбы поставлена на промышленную основу, травят ее с десяток местных предприятий. Результат отличный. Последнего карпа поймал счастливый рыбак более двадцати лет тому назад. Да что рыба, уж как вынослив человек, но и его в жаркую погоду в Упу не загонишь: сплошная масляная пленка отпугивает от реки все живое.

Были ли решения исполкомов о сохранении в чистоте реки, а рыбы от потравы? Чего не знаю, того не знаю. Знаю только, что туляки борются за сохранение природы, даже членские взносы платят.

Любящий купаться, но лишенный этой возможности БУРМИСТРОВ Михаил Хрисанфович.

КРОКО-ДИЛИНКИ

— Кирпича нет! Третьим будешь?

— Ну и дома стали делать: ничего не видать.

С НАТУРЫ.

— Смотри, сейчас ему жена трешник бросит.

Рисует
Александр
АЛЕШИЧЕВ.

мимоходом

Плоские шутки хороши тем, что они очень экономно укладываются в голове.
В. ЛОМАНЫЙ.

●

То, что жизнь вносит свои коррективы в личные планы, хорошо. Плохо только, что она не согласовывает их с заинтересованными лицами.
Ц. МЕЛАМЕД.

●

К сожалению, всегда найдется ближний, от которого хотелось бы быть подальше.
Кирилл КЮДОВ.

«С положительной стороны Шорин В. П. характеризуется отрицательно».

(Из характеристики).
Прислал В. Мотовилов, г. Нижняя Тура.

Объявление!
Детей до 1,6 лет направлять в младшее детство.

(Объявление в поликлинике).
Прислала С. Бобкова, г. Новополоцк.

«Товарищи пассажиры, автобус неисправен, старайтесь больше держаться в воздухе».

(Просьба кондуктора к пассажирам).
Прислал Г. Соколов, г. Ярославль.

«Повара Протасевич А. П. отстранить от работы, т. к. утратила доверие к продуктам».

(Из распоряжения).
Прислала Рыбакова, г. Кемерово.

«Пухова Т. М. унесла без разрешения из детского садика швейную машину, после того, как ее разобрали на «Совете дисциплины», она вернулась непригодной для шитья».

(Из докладной).
Прислал М. Тишкин, г. Губаха.

«Каждый день протирают банки с компотами, консервами, и они выглядят, как с грядки».

Газета «Звезда», Становлянский район Липецкой области.

«Здесь говорили о пьянке в рабочее время. А я скажу, что не надо принюхиваться. Вы же знаете, что Маня и Катя пьяные работают лучше, чем трезвые».

(Из выступления на собрании).
Прислал Н. Чуман-Жунь, г. Белгород.

Служба здоровья

ОПАСНА ДЛЯ ВСЕХ

Газета «Советская Мордовия».

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

«Ойленшпигель», ГДР.

— Новая система двусторонней тренировки: час лежать на правом боку и час — на левом.

«Дикобраз», Чехословакия.

●

В квартире звонит телефон, но, кроме собаки, в доме нет никого. Пес подходит, берет трубку и говорит:
— Гав!
— Кто это говорит?
— Гав!
— Вы не можете говорить отчетливее?
— Повторяю по буквам: Генрих, Антони, Вольдемар — гав!

●

Молодой человек приходит к богатому промышленнику, на дочери которого он хочет жениться. Промышленник говорит:
— Молодой человек, я навел справки о вашем прошлом и должен сказать...
Молодой человек прерывает его:
— Я тоже навел справки о вашем прошлом и должен вам сказать...
— Ладно, давайте поговорим о чем-нибудь другом.

●

Пани Новотная говорит мужу:
— Сегодня я развеяла миф о мужском превосходстве. Я сама заменила прокладку в кране ванной и при этом не выпила шесть бутылок пива, никого не ругала и не бегала три раза в магазин сантехники.

Слова, слова...

Чем больше приносят жертв божеству, тем упитаннее жрецы.
Жреческий фольклор.

Умеет плыть по течению даже в стоячем болоте.
Из положительной характеристики.

Ох, и как это заметно, что некоторые ферзи когда-то были пешками!
Из разговора пешек, так и не ставших ферзями.

Странное дело: чем меньше думаешь, тем больше единомышленников.
Уильям Брокен, английский юморист.

К сожалению, в борьбе за истину слишком часто применяют запрещенные приемы.
Шутка вавилонских болельщиков.

Самые безнадежные дела — защита стрелочников.
Пословица скифских адвокатов.

Йордан ПОПОВ (Болгария)

НЕ НАДО ПЛАКАТЬ

На мосту стоял человек и горько плакал. Плач его был необычен, богатейшей тональности, выдержанный в минорной гамме, с характерными мелодичными всхлипываниями на три четверти. Толпа, состоящая главным образом из людей, которые уже давно забыли, когда им в жизни приходилось плакать, завороженно слушала: до того был интересен ей этот плач. О такой внимательно слушающей публике мог только лишь мечтать любой симфонический оркестр в стране.

К человеку подошел милиционер и спросил:

— В чем дело, товарищ, почему плачем?

— Как же мне не плакать? — зарыдал он. — Как же мне не плакать, если я не выполнил своих обязательств?

— В каком смысле?

Гражданин утер слезы и продолжил:

— Двое юношей перешли дорогу в неположенном месте. Возмущенный вагоновожатый остановил трамвай, открыл переднюю дверь и начал их ругать. Тогда я сказал ему, что сам поговорю с юношами, он может ехать. Он успокоился и поехал, а я пошел говорить. Но вместо того, чтобы выслушать меня, молодые люди повернулись ко мне спиной и исчезли.

— Не могу понять, отчего вы плачете, — задумчиво сказал милиционер.

— Оттого, что нарушил обещание перед вагоновожатым, и они убежали. Я обманул человека. Он думает, что я их отчитал... Если бы я не вмешался, то, бесспорно, их уши горели бы от слов вагоновожатого.

— Не надо плакать, гражданин, — сказал милиционер. — Бывает. И я обещал кое в чем помочь своему знакомому, но не сдержал слова.

— Не надо плакать, приятель, — сказал мужчина в толпе. — И я обещал молодым быть кумом на свадьбе, но отказался по финансовым соображениям. А сам на эти деньги поехал в туристическую поездку в Румынию. Этот шарфик там купил.

— Не надо плакать, дружище, — вмешался третий мужчина. — И я обещал семнадцати семьям новые квартиры, а теперь, когда вижу их, перехожу на другую сторону улицы.

— Не надо плакать, уважаемый, — отозвался четвертый мужчина. — Более трех лет я обещаю своей клиентке заслушать дело, на которое мне нужно около трех минут.

— Не надо плакать, товарищ, я вышла замуж уже в пятый раз. И никак не могу остановиться, хотя обещала себе еще два года назад.

— Не надо плакать, любезный, — улыбнулась молоденькая кругленькая женщина. — И я обещала лейтенанту выйти за него, пока мне не подвернулся один подполковник.

— Не надо плакать, душа моя, — прокричал какой-то пьяный. — Я обещал жене, что приду вечером как стеклышко, а набрался в стельку...

Один за другим выходили из толпы люди, все утешали гражданина своими невыполненными обещаниями и, подбадривая его, похлопывали по плечу.

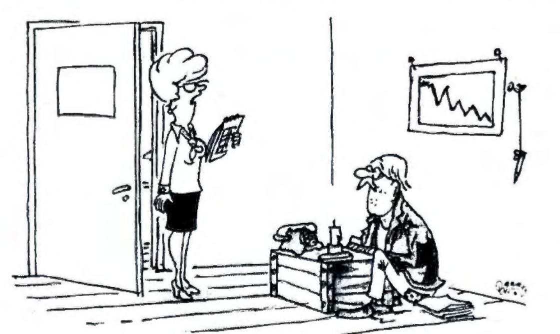
Поздно вечером, когда гражданин остался один, он заплакал с новой силой.

На этот раз от боли в плече.

Перевел А. КРОТКОВ.

— Я ошиблась, господин директор, налоговый инспектор придет только завтра.

«Панч», Англия.

«Дикобраз», Чехословакия.

— По-моему, кофе достаточно крепкий.

«Эуропео», Италия.

— Мама, смотри.

«Рир», Франция.

●

Джеймс любил показывать гостям ковер из медвежьей шкуры и рассказывать, как ему удалось подстрелить медведя. Все это смертельно надоело его жене, и она в конце концов заявила:
— Иногда я жалею, что в вашей дуэли медведь не выстрелил первым!

●

Фред принес в магазин статуэтку. Антиквар предложил за нее два фунта стерлингов.
— Вы шутите! — воскликнул Фред. — Это очень старинная вещь. Она принадлежала еще моей бабушке.
— Единственным человеком, который могли бы заинтересовать вещи вашей бабушки, был бы, надо думать, ваш дедушка, — пожал плечами антиквар.

●

— Я слышал, у тебя новая охотничья собака?
— О, это замечательный пес! Без него я бы просто не мог отправиться на охоту.
— Почему же я никогда не вижу его с тобой в лесу?
— При чем тут лес? Когда я уезжаю на охоту, собака остается дома, слушает разговоры жены, смотрит с ней телевизор и приносит продукты из соседней лавки.

●

Шотландец — хозяин отеля — ввел систему строжайшей экономии. Дело дошло до того, что над часами, висевшими в холле, он прикрепил табличку: «Только для постояльцев».

КРОКОДИЛ
№ 4 (2374)
февраль

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. А. АБРАМОВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора), А. Б. ГОЛУБ, Б. Е. ЕФИМОВ, Р. Т. КИРЕЕВ, А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор), Г. О. МАРЧИК, Н. И. МОНАХОВ, В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), В. И. СВИРИДОВ, И. М. СЕМЕНОВ, М. Г. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, А. И. ХОДАНОВ (зам. главного редактора).

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП, БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14.

Телефоны:
250-10-86, 212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 года

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Вайсборд, Н. Малов, Е. Милутка, И. Новиков, К. Рыбалко, Ю. Черепанов.

Технический редактор
Л. И. КУРЛЫКОВА.

Сдано в набор 31.12.81.
Подписано к печати 11.01.82.
А 05005
Формат бумаги 70 X 108 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Усл. кр. отт. 11,20.
Тираж 5 800 000 экз.
(2-й завод 3647591 — 4098342).
Изд. № 335. Заказ 0431.
© Издательство «Правда», «Крокодил». 1982 г.
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва А-137, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена номера 30 коп. Индекс 70448.

США оказывают усиленный нажим на Грецию, чтобы вынудить ее отказаться от планов выхода из военной организации НАТО.

ПЫТАЕТСЯ ОСТАНОВИТЬ.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.